

Николай Бердяев

РЫЦАРЬ НИЩЕТЫ

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Рыцарь нищеты / Н. Бердяев. – М. : T8RUGRAM. – 120 с.

ISBN 978-5-519-62925-6

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

В книге «Рыцарь нищеты» представлены статьи Бердяева об известных представителях философской мысли XIX и начала XX веков, оказавших влияние как на самого автора, так и на целые страны и поколения. Читатель познакомится со взглядами Л. Шестова, Г. Федотова, П. Флоренского, С. Киркегора, Л. Блуа, а также с идеями экзистенциальной философии, мистицизма и христианства.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС НР
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

РЫЦАРЬ НИЩЕТЫ	5
СТИЛИЗОВАННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ.....	57
ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА	87
ЛЕВ ШЕСТОВ И КИРКЕГОР.....	95
СУЩЕСТВУЕТ Л. В ПРАВОСЛАВИИ СВОБОДА МЫСЛ. И СОВЕСТИ.....	107

РЫЦАРЬ НИЩЕТЫ

Bloy n'a qu'une ligne, et cette ligne est son contour. Cette ligne, c'est l'Absolu dans la pensée, l'Absolu dans la pample, l'Absolu dans les actes. Absolu tel que tout en lui est identique. Lorsqu'il vomit sur un contemporain, c'est, infiniment et exactement, comme s'il chantait lu i ' gloire de Dieu. C'est pourquoi la gloire de ce monde lui est refusée.

Henry de Groux¹

I

Во Франции старая латинская культура достигла своего последнего утончения и позднего цветения. Эта культура кровно связана с католичеством. Барбе д'Ореви́ли, Э. Элло, Вилье де Лиль-Адан, Верлен, Гюисманс — последние католики, последние вспышки потухающего католического духа, последние цветы дряхлеющей латинской культуры. Это *rafinement*² возможно было лишь во Франции XIX и XX века, в которой раскрылась упадочная высота, последний предел гиперкультурного латинства, так часто изменявшего католичеству и восстававшего на него, но по плоти и

¹ Блуа состоит из одной линии, которой он очерчен. И эта линия — Абсолют. Абсолют в мыслях, Абсолют в слове, Абсолют в поступках. Он абсолютен настолько, что все в нем равнозначно. И когда он изрыгает хулу на современника, это в бесконечности и в точности соответствует тому, как если бы он возносил хвалу Господу. Потому-то ему отказано в мирской славе. Анри де Гру (*фр.*).

² утончение (*фр.*)

крови неизменно принадлежавшего его духу. Это — дух чувственной, пластической религиозности, неотрывной от плоти, от исторического и конкретного, от эстетики власти. Латинское католичество являет собой исключительное и небывалое в истории художественное произведение, пластически совершенное и законченное, эстетически властвующее над душами. Эту эстетическую власть совершенной архитектуры Католической церкви с особенной остротой почувствовали последние католики XIX века, упадочники тонкой культуры. Эти отщепенцы, индивидуалисты, ни к чему не приспособленные, жили под магической властью красоты композиции Католической церкви. Вся латинская культура родилась от католического духа, от католического христианства и католического язычества, и путь, на который толкнуло католичество эту культуру, не был путем духовного углубления внутрь, духовной свободы и дерзновения. В этом пути была пластическая прикованность к внешнему миру, ко всему материально-предметному. В недрах латинской культуры всякое духовное и религиозное возрождение принимает форму возврата к католичеству, дух сковывается и нет веры, что дух дышит, где хочет. И все дерзновение возвращающихся католиков направлено на гневное обличение буржуазного мира, отступившего и предавшего древнюю Истину, древнюю Красоту. Дерзновения творческого почина в религиозной жизни нет ни у Барбе д'Оревиля, ни у Элло, ни у Вилье де Лиль-Адана, ни у Гюисманса. Для них духовная жизнь есть католическая жизнь вплоть до принятия Папы и инквизиции. Все революционное и бунтарское в них на-

РЫЦАРЬ НИЩЕТЫ

правлено против буржуазного мира, отступившего от католичества. Все эти люди — революционеры-реакционеры, раненные буржуазным уродством и неправдой, обращенные назад и пророчествующие о прошлом. Эти люди прожили свою жизнь в бедности и непризнании. В их непримиримом отношении к буржуазному миру был своеобразный героизм, новый героизм эстетов и упадочников. Враждебный Андре Жид в статье о Вилье де Лиль-Адане говорит: «Бодлер, Барбе д'Оревильи, Элло, Блуа, Гюи-сманс имеют одну общую черту: неблагодарность к жизни и даже ненависть к жизни — презрение, стыд, ужас, пренебрежение, есть все оттенки, — род религиозного злопамятства по отношению к жизни. Ирония Вилье к этому сводится» («Pretextes»). Эта непримиримость и нестигаемость, этот ужас от уродства и неблагородства должен был казаться буржуазному модернисту отрицанием жизни.

Последним и самым значительным явлением в этом течении был Леон Блуа, признавший своими учителями Барбе д'Оревильи и Элло, близкий Вилье де Лиль-Адану и Верлену, родственник Карлейлю. В этом не оцененном и почти неизвестном писателе¹ есть черты настоящей гениальности. Это человек нового духа, иной духовной формации — и связанный с предшественниками, и глубоко от них отличный. Леон Блуа — явление силы, а не слабости, и в этом он бесконечно отличается от Гюисманса, которого он так несправед-

¹ На русский не переведена ни одна строчка Л. Блуа. Все приводимые отрывки переведены мной. — *Примеч. Н. Бердяева*

ливо не любил и не признавал, хотя во многом должен был чувствовать родство с ним. В лице Леона Блуа умирающая католическо-латинская культура явила почти пророческую силу и огненную страсть. Трагедия латинского духа достигла в Л. Блуа последней остроты. Вырождение католичества, разложение латинской культуры многократно засвидетельствованы самим Л. Блуа. Он хорошо знает: то, что он любит, с чем неотрывно связывает свой дух, то приходит в упадок и умирает. И все же, как истинный латинянин, как романтик, он не допускает духовной жизни и религиозного возрождения вне католичества, вне покорности Папе, вне принятия всей завершенной пластики, всей архитектуры Католической церкви. Вся латинская трагедия Л. Блуа в том, как пережить религиозную силу в религиозном бессилии католичества, религиозную верность в религиозной измене католичества, религиозную красоту в религиозном уродстве католичества; как быть религиозным пророком, оставаясь обращенным к католическому прошлому. Латинский дух, бессильный пережить христианство как внутреннюю мистерию духа, должен был прийти к трагическому отчаянию Леона Блуа, к невыносимой муке его жизни, чтобы в конце найти выход. Так же трагично отношение Л. Блуа к Франции. Он религиозно верит во Францию, исповедует французский мессианизм; для него страдание Франции — страдание Самого Бога. И ему все ненавистно в современной Франции, все — уродство и смрад, все — измена и предательство. Для Л. Блуа не осталось и последнего утешения быть романтиком и эстетом и этим путем укрыться от жизни. Он порыва-

РЫЦАРЬ НИЩЕТЫ

ет с романтикой и эстетством. Он — трагический реалист. Он пророк под злобной маской памфлетиста. У него звучат ноты апокалиптические. По силе языка, оригинальности, по остроте, огненности, меткости определений Л. Блуа — писатель исключительный, единственный. Его можно сравнить с нашим К. Леонтьевым, писателем гениальной остроты, отчасти с Ницше, но лучше ни с кем его не сравнивать. Сами заглавия его книг и названия глав — гениально остры. Такого испепеляющего, сжигающего остроумия и сарказма я никогда не встречал в мировой литературе. Это — самый радикальный, непримиримый дух, живший всегда в Абсолютном и Абсолютным.

Изданы письма Барбе д'Ореви́льи к Леону Блуа. Л. Блуа очень любил Барбе д'Ореви́льи, считал его своим учителем, а себя преемником его духа. Но по письмам ясно видно, как далек Л. Блуа от романтизма Барбе д'Ореви́льи, как порывает он с его светскостью, с его легкостью, с возможностью эстетических утешений. В некоторых письмах Барбе д'Ореви́льи дает острую и меткую характеристику Л. Блуа, тогда еще молодого человека, начинавшего писать. Барбе д'Ореви́льи почувял, что Л. Блуа — человек другой породы, иного духа, иных времен. Для него уже невозможна игра, он уже не романтик, он — реалист в глубочайшем смысле этого слова; его остроумие, неизбежное для француза, не дает легкой радости. Барбе д'Ореви́льи прежде всего воспринял Леона Блуа как бесконечно серьезного. Его серьезность порождает негодование и гнев. Это — серьезный человек, ощущающий наступление конца, приближение к пределу. Он все видит преувеличен-

ным, ибо только в преувеличении и можно многое разглядеть. «Это Ваша манера видеть, я знаю это хорошо, — пишет Барбе д’Оревильи, — все видеть огромным. В природе Вашего ума видеть все великим... В хорошем и дурном Ваши глаза увеличивают объект» («Lettres de J. A. Barbey d’Aurevilly a Leon Bloy»). Л. Блуа не знает меры в восприятии вещей, и для восприятия предельного и конечного, быть может, и нужно перейти всякую меру. «У Вас воображение серьезное и сильное, и когда оно нарастает, оно легко делается страшным. У Вашего таланта черные брови... Ваш цвет однообразен (быть может, слишком). Вы монотонны, как серьезные и глубокие (курсив мой. — Н. Б.). Я бы хотел для Вас больше разнообразия. У Вас есть редкое свойство: торжественность (курсив мой. — Н. Б.), торжественность без декламации... И еще, что есть в Вас и чем нельзя достаточно налюбоваться в человеке Вашего холодного поколения, это — энтузиазм (курсив мой. — Н. Б.)» (Там же). Эта характеристика изумительно проницательна и проникновенна; она оправдалась всей жизнью и всем творчеством Л. Блуа — всегда серьезного, глубокого, торжественного, энтузиаста, отдавшего всего себя без остатка Одному, Единому. Так понял и благословил Л. Блуа последний романтик Барбе д’Оревильи, один из величайших писателей Франции XIX века. Он дает блестящую характеристику слога Л. Блуа. «Вы разом сверкающе яркие и темны. Вы рубин с отражениями карбункула; но черное карбункула господствует над красным рубина: что-то вроде куска черного бархата в огне!» (Там же). Леон Блуа — черный и огненный писатель. В его антиномической манере